

ПРЕДАНИЯ О САМУРАЯХ

JAMES S. DE BENNEVILLE

TALES OF THE
SAMURAI

ДЖЕЙМС БЕННЕВИЛЬ

ПРЕДАНИЯ О САМУРАЯХ

Москва
ЦЕНТРОЛИГРАФ

УДК 821.521
ББК 83.3(5)
Б46

Охраняется законодательством РФ
о защите интеллектуальных прав.
Воспроизведение всей книги или любой ее части
воспрещается без письменного разрешения издателя.
Любые попытки нарушения закона
будут преследоваться в судебном порядке.

*Оформление художника
Е.Ю. Шурлаповой*

Бенневиль Джеймс С.
Б46 Предания о самураях / Пер. с англ. С.А. Белоусова. — М.: ЗАО Центрполиграф, 2015. — 510 с.

ISBN 978-5-519-73184-3

Захватывающие и выразительные предания о самураях — основанные на фактах хроники невероятных приключений знаменитого наследника правителей дома Огури героического воина Сукэсигэ и его самоотверженной красавицы жены Тэрутэ. Все добродетели истинного воина воплощают в себе Сукэсигэ и его отважные сподвижники. Их верность самурайскому кодексу и способность к милосердию вызывают уважение, а владение боевыми искусствами, благодаря которым они одерживают победу в любом бою, поражает воображение.

Представляя тексты преданий, известный ученый, писатель и переводчик, специалист по японской литературе Джеймс Бенневиль анализирует особенности быта, обрядов, обычаев и нравственных воззрений народа, сумевшего сохранить и передать их из поколения в поколение на протяжении многих веков.

Повествование сопровождается иллюстрациями, выдержанные в традиционном стиле японского рисунка.

**УДК 821.521
ББК 83.3(5)**

© Перевод и издание на русском языке, ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2015
© Художественное оформление, ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2015

ISBN 978-5-519-73184-3

ПРЕДАНИЯ
О САМУРАЯХ

*Посвящается моим сыновьям
Джорджу, Марлону, Даниэлю и Питеру*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Повесть о ханване Огури Сукэсигэ и Тэрутэ-химэ считается одной из занимательных легенд, основанной на фактах, содержащей рассказ о многочисленных важных особенностях сложившихся нравственных воззрений народа, сохранившего их из поколения в поколение на протяжении веков. Эту легенду прекрасно знают японцы всех возрастов, и для них такие произведения служат ценным источником знаний об истории своей страны и о героических свершениях знаменитых предков. Их представление на подмостках театра, на киноэкране или в речи коданси (лектора) на трибуне всегда вызывает сдержанные, но искренние аплодисменты публики. Величайшее предпочтение, безусловно, отдается произведению под названием «Тюсингура», или «Сказание о сорока семи верных вассалах». Подобная роль в воспитании столь благосклонного восприятия японской истории принадлежит и многим другим литературным произведениям. Среди них почетное место отводится сказанию «Ханван Огури Итидайки», или «Жизнеописание советника Огури». По мере того как на сцене разыгрываются сюжеты из полной приключений жизни Сукэсигэ или его многострадальной преданной жены Тэрутэ, аплодисменты зрителей становятся буквально необузданными. Они дают полный выход своим чувствам, возникшим при виде сцен того, что глубоко затрагивает струны их души. Надо сказать, что на этих легендах строится фундамент японской нравственности, которой японцы придерживались во всем.

Кое-что, однако, следует сказать о кодане, или литературном произведении (устном рассказе) в форме диалога. Это японские исторические романы, по сути своей отличающиеся от такого рода произведений, известных на Западе. Существуют исторические приключенческие романы, в которых дается описание исторических событий или даже деятелей. Однако при этом речь идет не о конкретной личности, а о периоде времени, несущем на себе отличительные черты своей эпохи. Главные действующие лица при этом представлены вымышленными героями; а если дело касается исторических деятелей, тогда их изображение представляется в таком свете, что справедливее относиться к ним как к лицам вымышленным. К таким персонажам относятся Хервард Уэйк и Робин Гуд, вымыслы и легенды о которых далеки от исторической истины. Цари и вельможи на протяжении повествования умудряются разрубить гордиев узел противоречий добра и зла. Только вот появление такого действующего лица случается в силу принципа *deus in machina* (вмешательство чуда). Читатель всегда радуется такому счастливому исходу. Но он и разочаровывается, ведь чудо никогда не считалось сильной стороной такого рода выдумки. Благородный Ричард Львиное Сердце из «Айвенго» несколько выделяется на общем фоне легендарных героев, и читатель это понимает. В повести Дюма читатель имеет дело с д'Артаньяном, тремя его друзьями мушкетерами и узнаёт об их подвигах. При этом судьба королей и придворных, искусные заметки о двух кардиналах лишь слегка очерчиваются. Исторические события при этом служат фоном для воплощения замысла авторов выдумок. В случае с японцами все совсем по-другому. У них настоящая история превращается в романтическое произведение. Так происходит с XII столетия. Этим занимались писатели, творившие в жанре кодан. Все персонажи у них представлены историческими деятелями, события на самом деле случились в прошлом и теперь подаются сказителем в том виде, в каком позволяет его воображение. Но этот сказитель тем не менее должен в максимально возможной степени придерживаться исторической истины. Именно так он поступает: принимает на веру слова своих предшественников, обогащает сказание своим соб-

ственным вдохновением, и на этом его задача по большому счету исчерпывается.

Полет фантазии автора при изложении исторических романов может достигать самого широкого предела. Истории с описанием жизненного пути Ёсицунэ и Бэнкэя, Кусоноки Масасигэ, Като Киёмасы можно назвать даже опасно близкими к настоящей исторической правде. Что же касается двух первых имен, то изначальные романы-хроники под названием «Гэмпэй Сэйсуйки» и «Хэйкэ Моногатари» практически не отличаются от официальной хроники «Адзума Кагами». Разве что радуют более совершенным художественным стилем. Все три произведения проявились через совсем непродолжительное время после описанного периода истории. Неизвестный нам писатель поостерегся чересчур приукрашать период, слишком близкий его собственному поколению, о событиях которого знали еще живущие люди. На противоположной чаше весов находится кодан, наподобие того, что составили о ханване Огури. Стройность исторического фундамента памфлета в глазах читателя можно оценить в приложении к настоящему труду. Вместе с тем в определенном смысле легенда — произведение по-своему полезное. Изначально ее рассказали во время кукольного представления под названием каракури, причем сопровождалось оно музыкой в исполнении сказителей. Такие вот саимон-катари никто не стал сводить в литературный жанр. Во время изложения сказания кукловод вел свое представление исключительно по памяти. Однако, как и во многих японских начинаниях, в сказания с самого начала вложили строгую форму. Позже коданси (сказители), на протяжении нескольких поколений отточив их форму, опубликовали совершенные сказания в виде книг. Так сложилась судьба данного жанра японской литературы. Жанр кодан представляет настоящую ценность. Его форма диалога захватывает внимание читателя. К сожалению, в произведениях такого жанра отсутствует описание бытовых привычек японского народа, отличающегося большой любознательностью. Достаточно всего лишь посетить книжный магазин и окинуть взором полки отдела, отведенные под такие сказания. В этом состоит весьма полезный и деловой подход к оценке важности жанра кодан для японской читающей публики.

Относительно повести о ханване Огури можно сказать, что писатели жанра кодан отличились большой терпимостью с точки зрения следования традиции, предписываемой храмовыми книжниками Худзисавы. Специалисты из «Дай ни-хон дзиммэй дзисё» говорят, что такая древняя традиция, как она закреплена у «Дэна Сукэсигэ» и «Энги Тёсо-Ина», вызывает искажение жизнеописаний Мицусигэ и Сукэсигэ самым причудливым образом. Причем возникает искажение и смешивание событий в жизни обоих. Однако выделяются такие факты: Мицусигэ на самом деле поднимал мятеж против князя Мотиудзи в 29 году периода Оэй (1422). На следующий год (1423) этот князь осадил замок Огури и взял его приступом. В период Эйкё, причем время называют от 6 до 10 года этой эпохи (1434—1438), как раз Сукэсигэ договорился с бакуфу (министрами правительства сёгуна) о восстановлении дома Огури. Тут нам предлагают решительно сомнительный рассказ о бегстве Мицусигэ в Микаву, а также восстановлении *им самим* своей чести и вотчины в провинции Хитати. Отождествление Сукэсигэ с художником Огури Сотаном тоже видится фактом спорным. Сотан выступает под именем Огури Кодзиро Сукэсигэ, и полная определенность такого имени представляется достаточно прочным основанием для его надежной репутации не только в повестях, написанных авторами в жанре кодан, но и в самой истории его народа. Более того, такая особенность сказаний выглядит скорее относящейся к чувствам, чем несущей практическую пользу, будь то для истории народа или для художественной литературы. Внимание можно привлечь к широкому распространению такой традиции в пределах Японских островов. Она обнаруживается в деревне Огури провинции Хитати, в храме Югёдзи уезда Фудзисава провинции Сагами и в монастыре Таводзи уезда Юноминэ Кии-но кун (древней провинции Кии). Не пользуются большой популярностью, похоже, писатели в жанре гидаю, специализирующиеся на сказках, которые рассказывают гейши, составляющие компанию самисэнам. В хранящихся коллекциях они встречаются только лишь один раз (в Гидаю Хякубан). Запрос в Императорскую библиотеку в Токио, направленный от имени автора настоящего труда, вернулся с ответом об отсутствии